

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

РУССКИЙ ЯЗЫК: ВРЕМЯ УГРОЗ

Зуд реформаторства

Казалось бы, реформы русской орфографии, замышляемые разными учёными мужами в России, преследовали благие цели: что-то “упорядочить”, что-то “привести в соответствие”, что-то “упростить” и т. п., ведь язык у нас очень разнообразен, изошрён, велик и требует определённых правил.

Однако минувшие реформы орфографии (1917-1918 и 1956 годов), помимо, казалось бы, очевидных плюсов, нанесли русской словесности и немалый урон. В целом произошло осклопление языка: ушли в прошлое целые пласты лексики, было утрачено разнообразие оттенков письменной речи (как-никак язык лишился падежа, нескольких букв), пострадала семантика и многое другое.

О негативных последствиях реформ не раз говорили и писали авторитетные русисты и литераторы. “Реформой язык не *повышается*, а *понижается*, не толпу намерен поднять за собой реформатор, а сам спуститься до уровня толпы. В этом и есть плебейский оттенок реформы”, – так оценивал в начале прошлого века действия орфографических перестройщиков выдающийся русский писатель Борис Зайцев.

Последняя затея реформирования русского языка приходится на конец минувшего века – начало нынешнего: Орфографическая комиссия Российской Академии наук предложила опять же “упростить” и “упорядочить”. И то ли по наивности, то ли по недомыслию, академики вознамерились русскому правописанию дать урок. Причём урок, который затронул бы каждого, кто имеет хоть малое касательство к русскому языку, в том числе всю экономику страны.

Да каким образом могут затронуть российскую экономику и сограждан безобидные “чёрточки”, “новые” запятые, звонкие “з” вместо глухих “с” в приставках? Ещё как могли затронуть! Чтобы воплотить предложенную реформу, надо было бы переиздать сотни тысяч учебников, словарей, методических пособий. Для школ, техникумов, вузов! Всякий уважающий себя грамотный человек в России обязан был бы обновить свою книжную полку со справочниками. Да и все книги с “прежней” орфографией автоматически стали бы устаревшими и ждали бы своего обновления. Колоссальный куш сорвал бы издательский бизнес!

А всего-то – умные дяди и тётки в тишине академических кабинетов решили, что “полдвенадцатого” надо писать так же, как “пол-одиннадцатого”, что “красавица дочка” будет краше при написании “красавица-дочка”, что “матушка Русь” станет крепче в новом исполнении “матушка-Русь”. А может быть, “мно-

гомиллионную” реформу, острой необходимости в которой нет, “заказывали” учёные киты книжного бизнеса, специализирующиеся на выпуске учебной и справочной литературы? Сюжет отнюдь не фантастический. И если бы заинтересованным кругам удалось реформу “продать”, вот тогда барыши некоторых издательств могли бы стать действительно фантастическими.

Но даже не экономический фактор был страшен в навязываемой реформе, а другое... Реформа могла оказаться губительной для правописания. Безграмотного письма могло стать ещё больше. Орфографических и стилистических огрехов и сейчас полно – даже в уважаемых газетах, журналах, книгах солидных издательств, а не только в “неуправляемом” интернете. “Да пошли они к чёрту! Как писал, так и буду писать!” – сказали бы не только некоторые писатели-“консерваторы”, но и журналисты, редакторы газет, издатели, корректоры, большинство которых предлагаемую реформу встретили бы в штыки. И управы на них не нашлось бы. Сейчас в России всё слишком демократично. Следить за соответствиями печатного слова новым правилам некому. В итоге мог возникнуть хаос в правописании, а попросту – бардак.

Вот вам и чёрточки с дефисами! Языковая реформа обострила бы многие российские проблемы. В том числе политические. Беднейшие слои общества: сельские учителя, родители сельских учащихся тоже были бы вынуждены раскошелиться на новые словари и учебники. Да помилуйте! Откуда ж у них лишние деньги! Вот проблема из экономической и превратилась в политическую – курс на дальнейшее обнищание...

А в каком положении оказались бы русские школы за рубежом, в странах СНГ? Кто позаботился бы об учебниках для них? В бывших братских республиках и так очень многое делается для выхощивания русского языка. А тут ещё реформа! Лишний формальный повод к закрытию русских школ. “А, чтоб не возиться с ихними проблемами...” Про Украину с её нынешними революционными русофобскими завихрениями страшно и подумать; там ещё бы активней стали топтать сапогами националистов великий и некогда родственный русский язык...

Впрочем, в страны СНГ можно и не ходить. Языковой сепаратизм мы недавно наблюдали в России. В Татарии уже был принят закон, по которому хотели заменить кириллицу на латинский алфавит. А значит, пытались поменять вектор духовной и культурной ориентации. Это могло стать прологом расколов, распрей, гражданской напряжённости. Только жёсткими мерами и законодательным путём удалось пресечь “алфавитное” реформаторство в Татарстане, которое вбивало клин в культуру народов России.

Удалось также отбиться и от назойливых академиков-реформаторов, правителей русской орфографии, которые даже не подумали – ох! академики, головы учёные! – о том, что “упрощение правил”, уничтожение “исключений” в языке отнимет некую изюминку русской письменной речи и повлияет на мыслительную деятельность человека, особенно молодого, постигающего правописание. Язык – инструмент мышления. И нет ничего страшного в том, что русская орфография подкидывает учащимся сложности в виде отступлений и исключений. Это только способствует мыслительной деятельности человека, повышает его образовательный уровень. А ещё даёт возможность проникнуть в глубины русского языка, в этимологические, словообразовательные, фольклорные пласты.

Тут уместен пример Англии. Британцы уже несколько веков не трогают орфографию. Ну и пусть пишется “Манчестер”, а читается “Ливерпуль”! Так было и так должно быть. Данный консерватизм крепит традиции и моральные устои Англии. И конечно, имеет свой прагматический расчёт. А мы за одно столетие готовы провести целых три революции в языке?!

Отстаивать завоевания русского языка в России, в странах СНГ, в мире, а не вносить сумятицу в мозги русских и русскоязычных граждан путём неуместного реформаторства – это святая обязанность русистов, и безусловно – академических!

Языковой натиск: заразные вживления, сор, притеснения...

Было время, когда российская знать изъяснялась по-французски, иногда по-немецки (обезьянничанье и низкопоклонство перед Западом – у нашей знати в крови). Теперь той знати нету... Появилась элита... Для новоявленной

элиты трех сотен английских слов вполне достаточно, чтобы козырять своим *безупречным* английским и разговаривать с официантами, портье, таксистами где-нибудь на Западе.

Английский язык стал проникать в нашу жизнь не только как средство коммуникации, но и как язык лейблов, терминов, инструкций, компьютерных программ и т. п. С одной стороны, это вроде бы неизбежно: английский язык – международный, для разговорных надобностей он весьма прост, да и электронных переводчиков уже появилось немало. С другой – насаждение англицизмов не только притесняет, выдавливает обиходный русский язык, но и урезает сферу его применения, а стало быть, уменьшает его влияние: всё меньше русских слов мы употребляем в речи... Зайдите в любой торговый центр Москвы (и не только Москвы): все таблички, названия кафе, магазинов, ремонтных мастерских, химчисток – непременно на английском манер. “Маркет”, “супермаркет”, “гипермаркет”, “сити-маркет”, “бутик”, “шоп”, “фастфуд” и просто “фуд”, а ещё извращенческие “Смирнофф”, “Деффчонки”... Даже стыдно это писать. Всё это небезобидно. Это сор, иноязычный сор, даже языковая трава!

Наплывы заимствований и прежде были. Но, как правило, были они по недомыслию и ущербности внедряющих эти заимствования. Русский язык с ними боролся и, чаще всего, побеждал. Некоторые варваризмы отомрут сами по себе. Горбачёвские “консенсус”, “плюрализм” почти исчезли. Правда, жизнь подкидывает другие словечки...

Есть такой телеведущий Сергей Брилёв, уважаемый, самоуверенный, общается с первыми лицами государства. Так вот, однажды, комментируя коротенький репортаж о предстоящем чемпионате мира по футболу, он около десятка раз произнёс слово “mundial”. Слово, абсолютно чуждое русскому языку, русскому уху, но телеведущему уж так оно нравилось, что он упивался им... Эх, этого бы мундиала по его мундиалу отмундиалить, чтобы он больше никогда не мундиалил...

Ну, а как нынче обожают слово “шок”! “Я была в шоке!” Медицинский термин “шок” обозначает “угрожающую жизни реакцию организма на травму, ожог, операцию...” Никакой образности и метафоричности в слове “шок” нет, зато явно обозначается у произносящего слабость в знании русского языка, неумение выразить своё изумление образно.

В отношении огромного количества англоязычных техницизмов, связанных с компьютеризацией, особо бояться не стоит. Сайт, файл, драйвер, интерфейс – всего лишь профильные термины. К ним нужно так и относиться! Аналогично, предположим, терминам медицинским: анальгин, грипп, антибиотик, клизма...

Профильные термины не так страшны, как язык публичных выступлений каких-нибудь телевизионных див, звёзд, актёров, а иногда – попросту разных телемартышек (это опять от “обезьянничанья”), которые рассуждают о “креативе” (творчестве), “контенте” (содержании), “биеннале” (выставке) и т. п.

Самое печальное, что засорением русского языка занимаются именно те, кто должен бы его бережно охранять от иноязычного вливания. Тут есть ещё одна сторона данного вопроса. “Биеннале”, “креативы”, “контенты”, “mundiali”, скорее всего, и не приживутся в языке, но люди (в первую очередь, дети), воспитанные на этой иноязычной тарбарщине, уже не смогут вернуться и к истинному русскому языку, эмоционально богатому и многословному.

Вспомнился старый анекдот. Из времён, когда в обиход входили словечки “кайф” и механическое, жёсткое, холодное “секс” (у нас секса не было: была любовь в разных проявлениях, в том числе любовь грешная и продажная...) Так вот: на работу секретаршей приходит наниматься красивая длинноногая девушка. Директор принимает её на службу, а руководитель отдела кадров показывает ей место работы. “Здесь ваш письменный стол...” – “О! Кайф!” – откликается девушка. “Здесь ваш письменные принадлежности...” – “О! Кайф!” – “Здесь телефоны и пульт управления...” – “О! Кайф!” – “Скажите, а другие слова вы знаете?” – не выдерживает кадровик. – “Секс”, – отвечает девушка. – “А что такое секс?” – “О! Кайф!”

Язык нашего общества, к сожалению, становится примитивен, ограничен несколькими сотнями слов. Косноязычные депутаты и чиновники всех мастей, не очень грамотные редакторы и ведущие телеканалов, со своими ужимками и “приколами”, одни и те же персонажи, приглашённые на однотипные

крикливые телешоу, скудная речь героев бесконечных бандитских и дамских сериалов... Вот и получается, что язык, который мы слышим, жалок, чёрств, неинтересен, а подчас и глуп, потому что забит не только “мундиалами” и “мейнстримами”, но и вульгарными словечками, феней: “облом”, “попёрло”, “лохануться”, “фарт”, “откат”, “распил”, “беспредел” и другой словомутью. Присовокупите сюда приклатнённую песню, которой определили стиль “шансон” и заполонили ею радиоэфир, а ещё – модные молодёжные песенки, где стихов нет, они там даже противопоказаны, в основном там три-четыре пары зарифмованных глаголов и бессистемный набор слов, а ещё чмоки, динь-дини, буди-буди, гуди-гуди. . .

А ещё засилье голливудских фильмов – “блокбастеров, бестселлеров”... Как там разговаривают тупорылые голливудские костоломы?!

А ещё на всех каналах бесконечная КВНщина, “пельменщина”, “нашарашнина”, “комедиклабщина” и другая телечушь, не имеющая никакого отношения ни к искусству, ни к просвещению, даже к развлечениям отношение имеющая отдалённое (стриптиз и пошленькие анекдоты ведь тоже развлечения, но вряд ли их надо делать общественными).

Злостное подспудное *реформаторство* русского языка идёт каждодневно на бытовом уровне благодаря средствам массовой информации, примитивному вещанию и кинопоказу, и так далее, и тому подобное... А семья, школа, художественная литература, редкие просветительские программы в СМИ не могут, не способны и не рассчитаны справиться с засильем пустозонства “фрайерских, понтырских” песенок, феней, примитивом сленгов: бизнесменских, молодёжных, интернетовских. А главное – эта социальная болезнь даже толком не диагностирована. Современная художественная литература истребляется, школьные и вузовские гуманитарные программы сокращаются. Рынок ведь не востребовал богатства русского языка, а у нас правит рынок! Каков поп – таков и приход. . .

Художественную литературу подменили сивухой детективщиц донцовского разлива и псевдоисторическим чтивом – ақунинщиной, и вроде бы все довольны. Особенно издатели. Кстати, владельцы крупнейших издательств и книготорговых сетей в России, по информации СМИ, давно живут за границей: им плевать и на русский язык, и на русскую литературу. Впрочем, разговор о современной литературе – тема отдельная и многоликая.

Есть ещё один важный фактор, затрагивающий русский язык, вернее – урезающий его влияние. К несчастью, ещё одна напасть. Беженцы и переселенцы с Ближнего Востока, трудовые мигранты Европы демонстрируют нам эту напасть... И у нас почти повсюду, в городах центральной России, а в Москве – особенно наглядно, выпукло это проявляется, поскольку их наводняют выходцы из южных краёв. Одни из них – граждане России, другие – не граждане. Но и те, и другие – носители своего языка.

В столице уже есть целые кварталы, где живут, обитают, работают, а подчас ведут незаконную деятельность выходцы из далёких регионов. Они, эти выходцы, безусловно, имеют полное право общаться на своём языке. Но в последнее время это общение становится уж слишком активным. Слово бы они нарочито подчеркивают, что русский язык им чужой, знать они его не хотят. В метро, в общественном транспорте, в жилых массивах, в торговых центрах, особенно вечером, когда большинство мигрантов после работы выходят на столичные улицы, они говорят громко, даже вызывающе. С одной стороны, это их закомплексованность, но с другой – плохо скрываемая агрессия, подчёркнутое неуважение к русским и русскоязычным окружающим их гражданам. При этом их южные женщины плодovито рожают, дети становятся российскими гражданами, и в некоторых местах диаспоры уже требуют создания национальных школ. Ассимилироваться-то они не хотят. . .

В Россию идёт наплыв кавказцев и азиатов уже следующего поколения. Это поколение в советских школах не училось, о Пушкине и Некрасове не знает, про Великую Отечественную почти ничего не слышало... А про русских знает твёрдо: они у них, с национальных окраин, забирали все богатства. Нет-нет, не строили города, предприятия, школы, вузы, научные институты, театры, а всё-всё (имеется в виду ценное) забирали и оставляли только “пыль”, как выразился один из лидеров бывшей советской республики, забыв при этом, что республику ему создали тоже “русские варвары”.

Все эти выходцы, другого, не советского кроя русский язык знают плохо, скверно, из русского языка для бытового общения берут, чаще всего, матерщину, грубую лексику, торгашеский жаргон.

Некая ползучая антирусская языковая эпидемия-реформа, имеющая вполне легальные и даже законные рамки, распространяется всё шире и шире, а наш язык, его область применения, а главное – богатство языка, ценности словоупотреблений и неиссякаемой лексики, становятся не востребуемыми и насильно омертвляются – как устаревшие, архаичные, годные для употребления только “квасным патриотам”.

А что ж власть? Русская общественность требует от власти принять действенные меры по сохранению, а не по разрушению языка. Власть принимает кое-что, проводит заседания “Совета по языку” при президенте РФ, поддерживает некоторые общественные инициативы, участвует в создании “Общества русской словесности”. Выходит, кое-что делает. Но больше всё же для показухи.

Некоторые из инициатив вызывают сомнения. Вот проводят в стране “Тотальный диктант”. Почему тотальный? Нельзя, что ли, просто всеобщий? Или французское словечко “тоталь” ласкает новым русистам слух? Проверка знаний – это неплохо. Всеобщий диктант! А лучше бы назвать “Общественный русский диктант”. Но опять же инициатива с каким-то вывихом и подоплёкой. Чьи тексты для диктантов? И какие тексты? Ну, непременно что-нибудь из быковско-рубинских книг, которые отнюдь не блещут ни грамотностью, ни красотой русского языка. А уж рубинский текст и вовсе вызвал возмущение: оказалось, израильская авторша сама заявила, что правил русского языка не знает. Но ведь тотальный диктант оголтело внедряют в регионах, в столицах. Тут есть где блеснуть писакам-русофобам, а ещё и похвастаться: мы их всех за парту усадили!

Есть и другие инициативы. Создано “Общество русской словесности”, которое возглавил Патриарх. Туда вошли крупные деятели науки, культуры, религии. Но опять же те, которые делать по сути(!) практически(!) для сбережения русского языка ничего, кроме участия в общих говорильнях, не будут. Им некогда. У них своих обязанностей полно. Советания, форумы, симпозиумы – это только трата средств, в том числе наших с вами, государственных. Действенных планов у этого “Общества” нет и, похоже, не предвидится... А почесать языки, пофилософствовать с трибуны – так это мы всегда, ведь все эти деятели входят в десятки подобных обществ, фондов, комиссий... Показушества и профанации в таких инициативах в переизбытке, они вроде бы направлены на благое дело и цели у них благие, а по факту – пшик!

Вот и досточтимый Год литературы. Мне довелось быть на писательской встрече с президентом, где он объявил об этом Годе литературы. Аплодисменты! А после довелось услышать слова премьера, что на Год литературы выделено аж три млрд рублей! Где они? Кто отчитался? Ау, Счётная палата, расскажите, куда, сколько и зачем было потрачено? Что реального получила наша русская литература, русский язык? Деньги-то из кармана налогоплательщика. То бишь – наши. Вернее, были наши, стали...

Ещё раз о русской брани

Так уж исторически сложилось, что редактором III издания Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля в начале прошлого века был лингвист польского происхождения И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он самовольно включил в словарь огромное количество ругательных нецензурных слов. Расширил русскую лексику? Нет. Жестоко поступил по отношению к памяти В. И. Даля, потому что “словарь авторский”, а ещё вроде бы и “узаконил” нецензурщину как языковой пласт русского народа. Нет спору, крепкие выражения испокон веку употребляемы в России, но рассматривать их как богатство, а словарь В. И. Даля открывает нам именно богатство языка, неправомерно.

И нынешние языковеды ведут себя очень непоследовательно в отношении ненормативной лексики. Веяния нового времени – словари жаргонов, русского мага, блатной “фени” и т. д. Сколько их выпущено по России! Под прикрытием объективности (явление, мол, существует, его надо исследовать) появились книги с жуткими словниками. Здоровая ткань богатейшего русского

языка разъедается зафиксированным сквернословием, подобострастными примерами.

Труды эти в большинстве своём псевдонаучные, их значение для лексикографии мизерное, но интерес к ним спекулятивно подогревается: мол, такие изыскания прежде были невозможны. На самом деле всё диктует прибыль издателей и растущее бескультурье общества. Цензуры нет. Вернее, цензура – рубль и доллар – тут не помощница, а совести, разума и вкуса некоторым творцам изящной словесности и науки попросту не хватает. И языковая вольница даёт волю разного рода прохиндеям, эпатажным персонажам и просто отъявленным прохвостам от литературы и искусства.

Порой слышатся ссылки на классиков. Великий А. С. Пушкин якобы не чурался крутых высказываний. Но разве использование нашим гением нескольких нецензурных слов в своих произведениях – повод для подражания? Пушкин иной раз и неприглядные поступки совершал. Что ж из того? У Есенина найдётся во всём творчестве тоже несколько бранных нецензурных слов... И что теперь?!

Появление ненормативной лексики в произведениях великих художников – это, скорее всего, результат духовного срыва, факт болезненного состояния или озорства, творческого отчаяния или некоторого вызова ханжескому обществу, проявление симптома какой-то социальной заражённости и т. п. К этому стоит относиться очень настороженно и уж никак не восторженно!

Замечательный языковед, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского В. А. Гречко (ныне покойный) считал мат “антиязыком” русского народа. Он был в этом убеждён, писал на эту тему статьи, был категоричен. Заметьте: не языком, а антиязыком! То есть, по существу, – врагом. А уж когда какой-нибудь деятель или даже писатель ерофеевско-сорокинско пошиба с пошлыми улыбочками всезнайки говорит, что мат *просто* язык русского народа, то и вовсе хочется на них, на этих говорунов, плюнуть!

Мат – язык русского народа??? Нет, голубчики! Антиязыком его ещё можно признать, но языком... Мат назвать языком – это будет слишком жирно! И подло! Это всего лишь малая междоменная часть бытового нелитературного языка. Кстати, матерных слов в языке совсем немного – с десяток... (трехэтажные обороты – это всего лишь обороты с участием одних и тех же непечатных слов). И говорить о том, что это язык русского народа? Да упаси бог! Что вы плетёте, олухи?!

Или вот разрекламированная книжица некоего обласканного на телеканале “Культура” доктора филологических наук М. Кронгауза “Русский язык на грани нервного срыва”. В этой книжице говорится в основном о соре русского языка, о тех убогих лингвистических новшествах в области интернета, молодёжного сленга, и, разумеется, немалое место уделяется матерщине. Цитировать кронгаузов – занятие жуткое. Но кое-что придётся процитировать, чтоб почувствовать уровень, соотносить с выводами нижегородского учёного. Цитируем М. Кронгауза: “...как просвещённый лингвист я мат не то чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определённым почтением как к яркому языковому и культурному явлению...” (Вот оно как! “яркое языковое и культурное явление!”) “... в советской деревне мат использовался много, часто и всеми...” (Интересно, бывали ли эти кронгаузы в советской деревне? От моих бабушек, русских крестьянок, я никогда матерных слов не слышал! Да разве обзовёт крестьянка свою коровушку-кормилицу матерным словом?! Никогда не слышал я матерщины и от других своих родственников, выходцев из деревни.) “А не ругаться матом – это для русского человека, ну, как водки не пить, то есть подозрительно”. (А что, все русские пьют водку? Все спились? Кто бы вам, кронгаузам, построил дома, университеты, заводы, накормил вас, напоил, защитил?!) И ещё одну цитату из доктора филологии: “Увы, и в мате не стоит искать национальную идею. Сегодня он скорее разъединяет людей”. (О чём это?! О том, что полдюжины бранных слов могут быть национальной идеей России?! Это ж надо так не любить, не знать, не понимать, не уважать свою или, правильнее для кронгаузов – “эту” страну!)

И вот такая профессура нынче в самых популярных вузах. Учат... И на экзаменах, разумеется, мельтешат, копошатся. Нынче для них – вольница. Пле-ти, Емеля – твоя неделя!

Тьфу на них! На эту нерусь!

Слово “нерусь” я использую в значении широком: нерусь – это не обязательно человек другой, чужой нации или веры, приезжий; нерусь – это те, кто, возможно, родился и вырос в русской среде, но её не признаёт, не принимает, глумится над всем русским и радуется каждому провалу русских в той или иной сфере, в том числе языковой.

...Междометная, животная сущность мата очевидна: слова эти коротки, скоропалительны, их даже договаривать до конца не надо. Да ими и пользуются люди чаще всего заводные, взвинченные, с избытком темперамента, злобы, ущемлённости или неудовлетворённости. А животная сущность этих слов также очевидна: что бы ни приписывали человеку – божественное начало, духовность, – человек несёт в себе и животную основу, поэтому и весь мат связан с плотскими потребностями человека, опирается на полдюжины слов плотской лексики.

Мат, безусловно, заразителен. Как вредоносная бацилла, он больше всего заражает молодые, неокрепшие души. Разговоры многих молодых людей и так-то поражают своей простотой и малословием. Но это поправимо, с годами что-то приобретётся; молодые люди слишком молоды: в них бурлят эмоции, в них кипит кровь, и изъясняться длинными красивыми предложениями несподручно. То ли дело коротко: “классно! прикольно! дебил!..” А соцсети интернета вообще – отдельная тема. Там писать надо, а не хочется. Короткие слова – и те не дописывают, грамотностью никто не “заморачивается”. Там же в основном “лайкают”! Даже есть “словарь интернет-сленга”, где приготовлено немало глупостей для малограмотных пользователей. Но самым печальным в речи молодых людей становится обыденная матерщина.

А ведь повседневный, бытовой, междометный лексикон губителен! Особенно для девушек. Тут имеются два важных момента. Молодой мужчина, юноша острее чувствует свою половую зрелость, в нём бушует плоть, жаждет улады и удовлетворения... Поэтому животные междометные выплески естественны. Другое дело – молодые девушки. Они ещё не падки до плотских утех. Они ещё находятся в стадии лирики – в мечтаниях о любви, а все плотские любовные игры – это где-то впереди, и чаще всего плотский расцвет для женщины наступает уже после рождения ребёнка.

Но в компании юная девушка порой вынуждена подыгрывать окружающим сверстникам, выглядеть взрослой, подчас ругаться матом. Тут и показушное представление о своей взрослости: сигарета, пиво, ругань и прочие “шалости”. Но с каждым ругательным плотским словом милая девушка, юница лишает себя многого: в ней становится всё меньше фермента любви; она трагично теряет свою энергетику любви, которой потенциально наделила её природа, в брани, в показной вулгарщине. Ей потом всё сложнее будет полюбить, ведь любовь – это уважение к мужчине и таинство, а какое уж таинство и уважение к мужчине, если она матерится рядом с парнем, как сапожник... (извинимся перед сапожником: подлинные ремесленники ругаются редко).

Да спросите любого парня из той же компании, где стоит мат-перемат: хотел ли бы он взять в жены девушку, которая палит “уй” да “лять”? Так, пошалит с ней – куда ни шло, с такой распутной даже и в кайф... Ну, а серьёзно полюбить, пойти с ней под венец вряд ли захочется. Ведь она ещё будет и матерью его детей, ведь она ещё и с его мамой будет говорить на таком языке... О! милашка матерщинница, лучше уж я без тебя как-нибудь по жизни обойдусь, другую поищу.

Как алкоголь, который быстрее губит женщину, чем мужчину, так и матерщина. Женщины, которым привили брань и которые даже нелепо гордятся своей чудовищной речью, впоследствии становятся несносными циничными хамками, мужчина для них – самец, добытчик денег, “козёл”; впереди у таких дам – развод, делёж имущества, судебные дела, бесконечная нервотрепка и неудовлетворённость во всех проявлениях. И, как правило, у них уже не будет любви. Разве что к деньгам мужчины. А это любовь слишком зыбкая. Ведь мужчина-то интуитивно понимает, за что его любят...

О! милые девушки, юные создания, не пачкайте свою душу бранью, матерщиной, не допускайте в своё сердце чёрную злобу, которую несёт междометный плотский слог, который оставляет меньше шансов на искреннюю, светлую, духоподъёмную любовь.

Есть такой певец, зовут его не по фамилии, а по кличке: что-то связанное со шнурками. Пошляк, сквернослов и хам, он часто мелькает на экране. Вот он, закон эпатажа! Но мат на сцене запретили. Есть “закон об ответственности за нецензурную брань”. Так этот деятель решил выступить без мата, но при этом снял на концерте штаны... Другие “шоумены” в одном из бесконечных “телешоу” на центральном канале, правда, заметили, что “пиписечка” у голоштанного певчишки невелика. Поэтому, молодые люди, не стоит обращать внимание и тем более брать пример с этих пиписечных певцов! Они валяют дурака и потешаются над вами за ваши же деньги.

Как важно, чтобы родители и педагоги, проповедники и гуманитарии, а ещё и вездесущие средства массовой информации (такие свободные!) провели просветительскую работу на эту тему, дали бы молодым людям представления о ценностях русского языка, русского творчества, дабы безвкусица, хамство и эпатаж не выдавались за искусство. Поймут ли и примут ли молодые люди эти наставления сразу? Скорее всего, нет, но они будут хотя бы посвящены в то, что существует и Русский Мир, и Русское Искусство, и непревзойдённый Русский Язык. А чиновники из Минкульта, Госкомпечати, телена начальники с госканалов публично должны отчитываться за казённые средства, то бишь народные, потраченные на современных создателей культурных ценностей. И вообще всех чертей надо выводить на чистую воду! Знать, кому и за что мы платим! Депутаты, проснитесь!

Противно слушать матерные реплики со сцены театра. Стыдно становится за актёров, совестно перед соседями-зрителями, будто и тебя, и их унизили. Некоторые демонстративно уходят из зала. И правильно делают! Всё же “храм”... И диву даёшься, когда люди в театральных бархатных ложах – солидные мужчины и женщины в нарядных платьях (особенно где-нибудь в провинции) – смотрят на голозадых мужиков или слушают матерщину со сцены, а ведь эта публика считает себя нынешней элитой, посещает модные театры, где куртуазные режиссёры, брезгующие законами русского театра и русскими традициями, преподносят шедевры, от которых нормальному человеку хочется сморщиться и подумать: “Как хорошо, что мои родители и мои дети этого не видят!”

Есть, конечно, провалы, которые можно назвать случайными. Многим известен оscarовский фильм “Утомлённые солнцем” Никиты Михалкова – популярного актёра и режиссёра, председателя Союза кинематографистов, президента Российского фонда культуры. По телевидению этот фильм демонстрировался в самые “массовые” часы, когда у экрана собираются семьями. И вот главный герой фильма в исполнении того же Михалкова в порыве гнева ругается матом. Этот матюжок фильму ничего не прибавляет. Но он произнесён. Нецензурная брань обретает позволительность. Несмотря на то, что это – капля яда, которая поражает чаще всего юное зрительское сердце.

Пробелы вкуса у кинематографистов сейчас заполняет законодательное ограничение по употреблению бранной лексики, да и “Кодекс об административных правонарушениях”, в котором нецензурная брань в общественных местах расценивается как мелкое хулиганство. Любое появление разумных законов, которые выполнят роль языкового ассенизатора, наверняка будет приветствоваться обществом. Законов разумных, продуманных: язык, мышление, устои, темперамент рубку сплеча не принимают.

При этом только отъявленный русофоб или неуч может сказать, что мат – это язык русского народа.

Русские никогда не почитали матерщинников. И если о ком-то говорили, что “он матерщинник”, произносили это с досадой или отчуждением, их так же не любили, как не любили лентяев, нерях, пьяниц. Жаль, что русские подчас излишне скромны в общении с хамами, излишне доверчивы, слушая чепуху псевдоинтеллигенции, которая изнутри до дыр протирала экраны телевизоров; жаль, что потворствуем и наглецам из разных мигрантских наплывов.

А между тем, даже в уголовной среде есть табу на матерщину. Блатной мир такую лексику отвергает. Не забудем, что в лагерях, к сожалению, находится немало наших сограждан. Не найти матерных слов в блатной поэзии, песнях.

Нет никаких матерных слов в фольклорных сказаниях, легендах, балладах... Кое-что наберётся в срамных частушках да в некоторых сатирических

сказочках из устного народного творчества (чаще всего, это авторское творчество, которые пытаются выдать за народное).

Иронически-похабная поэзия, сочинительское хулиганство, — на это заносило иной раз и талантливых литераторов, но при этом они ни на какие поэтические высоты и не замахивались, знали место таким срамным поделкам.

Армия... Вот уж где не скромничают и грешат многие — но не все! — матерным окриком. Это объяснимо. Там суровость службы, часто — климата, быта, там мужиковское общество. А междометный окрик, возглас резко напрягает человека, взвинчивает или играет роль сублимации, ибо внутреннее напряжение от службы и эмоции требуют своего исхода. И в некоторых случаях мат в армии теряет всякий смысл, превращается в возглас, бессмысленный клич.

Но при этом опытные мудрые военачальники никогда не будут разговаривать с подчинёнными бранными словами.

Не помню, чтобы командиры полка, замполиты полка (а я служил в трёх частях) ругались при солдатах матом. Но помню полковника, начальника из дивизии, который без разбора крыл всех подряд... Он вызывал и усмешку, и даже какое-то сожаление, хотелось поёжиться от его речи и становилось неловко за него.

А однажды на учения на полуостров Рыбачий к нам прилетел на вертолёте проверяющий, генерал-лейтенант. Услышать от него не матерное, а просто грубое слово было стыдно... Да-да, именно стыдно! За него! Он стоит в лампадах, золотые дубовые листья в петлицах, гербы на золочёных пуговицах — и вдруг брань, обращённая к солдатам и офицерам, на огневой позиции... Ну, что ж вы так?! Не прапорщик ведь!

Так вот и писатель. На писателя воспитанный читатель смотрит не как на подвыпившего прапорщика, а как на генерала, — не имеет он права опускаться до матерной брани в своих книгах (извинюсь и перед прапорщиками: немало в армии и таких, от которых не услышать худых слов)!

В конце концов, речь-то идёт не о том, чтобы исключить несколько бранных, междометных слов из лексики языка, а о том, что изощрённое русофобия и непросвещённые бездари пытаются почти весь язык русского народа свести к матерщине. И на законных основаниях использовать его в искусстве... Узаконить этот слой как главный пласт языка русского народа.

Если кто-то вам говорит, что мат — это язык русского народа, тут же, глядя прямо в глаза этому человеку, задайте вопрос: кто он по национальности? Кто он по национальности?! Если этот аспид, балбес, вахлак, глупыш, дурень (эх, до чего ж богат, сочен наш язык! Ведь я тут только на первые буквы алфавита взял несколько “ласковых” словечек) — так вот, если этот человек будет колотить себя кулаком в грудь и доказывать, что он великоросс, спросите его: на каком языке говорили с ним мама, папа, бабушка, сестра? Может быть, у него хоть тогда просветлятся мозги...

Возможно ли избавиться или хотя бы несколько отстраниться от мата? Возможно! Почаще ходите в музеи, картинные галереи. Только избегайте выставок “современного искусства”: в словах “современное искусство” уже заложен какой-то подвох и намёк на некие безобразия. Почаще стоит в одиночестве бывать на природе. Посидите в читальном зале, полистайте книги с картинами старых мастеров. Почаще бывайте на кладбище, вспоминайте родных. Невозможен, дик мат на могилах родных и близких... При воспоминаниях само сознание ограничивает, а вернее сказать — оберегает человека от матерщины. Невозможно вспоминать о своём детстве матерными словами... Храм тоже излечивает от бранных слов. Верно замечено, что человек, находясь в храме, даже про себя не может ругаться матом. Кто-то будет возражать, искать исторические казусы... Но дурной пример — нам не пример!

Не экспансия — здоровая защита

Язык — могучее средство воздействия на умы. Внедрение своего языка в другие нации — внедрение политической и экономической зависимости. Лучшего долгосрочного представителя своих интересов и придумать нельзя! А мы отступаем. И не только в “непримиримых” странах Балтии, но и в Средней Азии, а теперь и на Украине. Миллионы русских и русскоязычных граждан в странах СНГ остались без прав на свой язык. Забывчивые

лидеры стран ближнего зарубежья не вспоминают, что русский язык прокладывал для национальных элит — научных, творческих — путь к мировому признанию.

Гуманитарное, просветительское значение русского языка в мире грандиозно! Стоило в бывших республиках СССР притеснить русский язык, сразу исчезли с мировой карты культуры все современные национальные литературы, так как только благодаря русскому языку они были доступны широкой российской читательской аудитории и далее — мировой.

Да что говорить! Десятки народностей “через русский язык” стали грамотными и обрели возможность общения с другими народами. А теперь целые государства уходят из сферы влияния русского языка. Мало того, уходят вместе с этнически русским населением, “доставшимся” от СССР, попадают под влияние языка культуры и религии, которые очень далеки от нашей культуры. И тут встаёт вопрос: а на какой язык, на какую культуру они повелись, что и кто теперь будет для них таким же проводником к мировому искусству, науке, культуре, каким был русский язык?

Защита национального языка не только в руках власти. Власть у нас нынче больше русскоговорящая... Защита родного языка во власти всех русских! Нам нужно почаще напоминать, что мы русские: в семье, в школе, на работе, в компании. И пусть ошалелая русофобия, которая появилась сейчас в мировых СМИ, обратится в пустой собачий лай, изведёт сама себя и охрипнет; а те, кто её организуют, поймут, что мы любви к себе не просим, а вот за ненависть к русским, за русофобию придётся платить.